

Литературные новости - 1997 - 20 апреля 1997 - 5-02

ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ НАБΟКОВ

Brian Boyd, Vladimir Nabokov. The Russian years.
Princeton University press. 607 p.

Некоторые читатели до сих пор убеждены в том, что до успеха «Долиты» ее автор был русской темной лошадкой, стоявшей в конюшне безвестности. На самом деле слава пришла к Набокову еще в тридцатые годы. Репутация лучшего писателя нового эмигрантского поколения, несомненно, избаловала Набокова.

Впрочем, избалован он был с рождения. Его детство прошло в просторном столичном доме и пригородной усадьбе, где царили любовь и взаимопонимание. Он жил в земном раю.

Изгнание из земного рая в результате большевистской революции стало для юного Набокова мощной психической травмой. Ее переживание, по-моему, составляет основу многих его романов. Идеальное детство, как и у Пруста, становится темой не только сентиментальной памяти. Память дает моральную оценку несовершенству «взрослого» мира, но эта оценка искусно «растоплена» в эстетическом переживании.

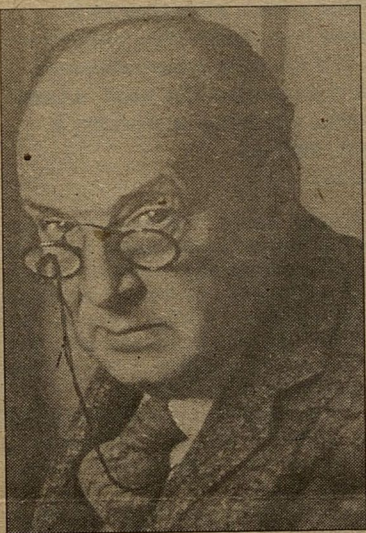
Парадокс, конечно, состоит в том, что без утраты рая Набоков едва ли стал бы Набоковым (был бы другой писатель), большевики ему «помогли», хотя он свято ненавидел их до самой смерти, не признавая в них, по понятным причинам, «добрых гениев» своей писательской судьбы.

Утрата рая — отличная завязка биографического сюжета, который становится тем интереснее, что находит развязку в набоковском обретении «нового» рая творческим усилием, в создании своего собственного стиля.

В общем, есть все основания написать увлекательную набоковскую биографию. Правда, она давным-давно уже написана. Автобиографическая книга «Другие берега», где проникновенные страницы посвящены детству, уникальна не только своим виртуозным стилем, но и цельностью писательского образа.

Цельность, впрочем, отразила предельную замкнутость человека, который отчаянно борется за достойное существование во враждебном мире. В автобиографии (посредством иронии или сарказма) задраены щели, позволяющие нащупать сомнения, терзавшие автора.

Но достаточно обратиться к набоковским частным письмам или дневниковым записям, чтобы по-

нять, что жизнь Набокова в эмиграции далеко не исчерпывалась приятными годами обучения в Кембридже и ранней литературной славой. Можно представить себе, что пришлось пережить Набокову в Берлине в 1922 году, когда двое русских фашистов совершили политическое убийство его отца, или позже, в том же Берлине, когда в полном безденежье ему пришлось прожить при нацистском режиме несколько лет с женой-еврейкой.

Чтобы проникнуть в человеческие и писательские тайны Набокова, необходимо взорвать замкнутый образ, созданный в великольном холодном мраморе «Других берегов».

Больше чем кто-либо другой, новозеландский исследователь Брайан Бойд имел возможность приблизиться к этим тайнам, работая над писательским архивом, собирая материалы для впечатляющей по размерам и скрупулезности биографии Набокова, недавно вышедшей в США. Смелость новозеландца, взявшегося за беспрецедентное дело, вызывает восхищение. Вопрос в том, насколько он сознавал весь размах своей дерзости.

Скорее, однако, следует гово-

рить о робости. Могучий, «барский» характер Набокова, кажется, подавил исследователя, в значительной мере лишил его свободного отношения к выдающемуся «персонажу». Набоков, если верить книге, во всем оказывается прав.

Возникает щекотливый момент: книга Бойда — официальное житие? Бойд вроде бы не был нанятым набоковской семьей биографом, однако его допуск к архивам, как явствует из самой книги, шел в обмен на допуск семьи к рукописи биографа на разных стадиях ее подготовки и возможность вносить свои поправки.

Семья кровно заинтересована в каноническом образе, но несчастье в том, что он часто идет не на пользу художнику. Чем ближе художник к образу милого добродетельного человека, которым в результате оказывается бойдовский Набоков с явно полемическим отношением к существовавшему ранее в критике и мемуаристике (Зинаида Шаховская, Эндрю Филд и многие другие) набоковским образом высокомерного, нетерпимого и жестокого эстета, тем, в сущности, хуже. Миф об идеальном семьянине, оптимисте и жизнелюбе ничего, кроме скуки, не вызывает. Сама же творческая несвобода Бойда не воспринимается им как таковая, он не замечает ее, оказываясь внутренне близким к наивному, докантовскому взгляду на искусство как положительное, полезное дело.

В предисловии он позволяет себе сделать несколько замечаний, после которых трудно не насторожиться. Установка на пользу искусства так навязала в русских зубах, что фраза «Набоков верил в искусство ради жизни» звучит почти карикатурно, тем более если иметь в виду, что Набоков написал целую главу романа против «жизненно-полезных» идей Чернышевского.

Начав с элементарных ошибок, Бойд не может остановиться их делать. «Первый постулат фило-

софии Набокова — приоритет сознания», — сообщает Бойд. Говорить о философии любого писателя, даже Достоевского или Томаса Манна, рискованно. Тем не менее, Бойд убежден в том, что «суть искусства Набокова — в изобретении формальных и художественных приемов, чтобы отразить проблемы, которые ставит его философия».

Но сила Набокова отнюдь не в его философии, а в безукоризненном чувстве слова, в его словесной, по словам самого писателя, «ворожке», то есть особой магии, связанной не с приоритетом сознания, а словесной игрой, в которой писатель неожиданно для себя и как бы помимо сознания делает ошеломляющие открытия об окружающем его мире. Об этом у Бойда почти ничего.

Даже в эстетике социалистического реализма герою позволено ради пущей достоверности иметь пару недостатков, это вполне поощряется. У бойдовского Набокова не скрыта «молодость энергичных сексуальных приключений». Но человек, который смертельно ненавидел советскую литературу, превращается в персонаж из какой-нибудь советской литературной биографии, ибо главное слово уже произнесено, пусть и поставлено в стыдливые кавычки: «нормальный» или, проще говоря, такой, как все.

Будь я на месте любящей семьи, я бы сражался с такими определениями куда решительнее, чем с критическими оценками. Может быть, парадоксальным образом нелояльный биограф оказывается порой лояльнее лояльного? Набоков в романе «Дар» продемонстрировал, как сочинять отрицательные биографии, но на самом деле увековечил Чернышевского как никто: превратил идеологическую мумию в живого человека.

Больше всего меня поразила вера Бойда в то, что Набокова можно пересказать. В книге пересказаны все русские романы, написанные в двадцатые—тридцатые годы, основные рассказы и пьесы. Сверх того добросовестно пересказаны даже стихи и поэмы.

При всем том в книге есть любопытные подробности. Мало кто знает о том, что Набоков ни разу не был в Москве. Он никогда не выучился управлять машиной. В Берлине он читал друзьям свои совершенно непечатные эротические стихи. Кроме того, оказывается, что подчеркнуто аполитичный молодой писатель в 20-

годы участвовал в деятельности берлинского антибольшевистского общества.

Сенсационный интерес представляет впервые опубликованный в книге Бойда дневник Набокова, посвященный убийству его отца. Позже, в «Других берегах», Набоков сделал все, чтобы скрыть свою боль в намеренно спокойном, чуть циничном повествовании, но в дневнике эта боль сильнее стиля.

Трудолюбивый Бойд собрал огромное число сведений о своем герое. Но шквал обрушивающейся на читателя информации подчинен, как правило, лишь зыбкому закону хронологии. В результате все тонет в подробностях, остается непонятным основное: что сделало Набокова Набоковым?

Для Набокова, как образца добродетели, работа и «его частная жизнь — прежде всего. Вера Набокова, лучший свидетель тех лет, обладала еще более острым стремлением к обособленности. Не случайно обособленность души — или двух душ, соединенных супружеством, — стала столь важной темой его творчества». Однако наш герой завел в Париже роман. Впрочем, он был соблазнен. Тут целая интрига, жертвой которой пал наивный Набоков. По Бойду, сводница-мать подкладывает свою дочь ему в постель. Версия, очень распространенная среди обманутых жен... В результате за свой роман Набоков, как в христианском житии, наказан аллергической болезнью.

Образцово-показательный Набоков существует в семейном предании, и эта часть частной жизни достойна уважения. Но зачем этот образ тиражировать в биографии, претендующей на академичность?

Прочитав книгу, обрастаешь огромным количеством нужных и ненужных сведений о Набокове, зато утрачиваешь непосредственный контакт с его книгами. Набоков становится похож на старый корабль с днищем, облепленным ракушками, которые затрудняют его движение и делают тяжелым, почти неподвижным. Непонятным в результате кажется энтузиазм Нины Берберовой, прочитавшей «Защиту Лужина» и сказавшей от имени русской эмиграции: «С этих пор наше существование приобрело смысл. Все мое поколение оправдано. Мы спасены».